

## **Технология развития критического мышления учащихся в рамках классного часа.**

### **Тема: «Критический анализ текста»**

**Сергеева А.С., социальный педагог МОУ «Лицей № 26» г.Подольска**

**Актуальность.** Духовно-нравственное воспитание является неотъемлемой частью общего учебно-воспитательного процесса, осуществляемого в системе отечественного образования. Традиционная педагогика считает необходимым целенаправленное развитие у человека проявлений духовности, а точнее – ее светлой стороны, ориентированной на доброту, любовь, истину, уважение к другим людям, сострадание, сочувствие, что соответствует православным ценностным ориентациям, определяющим смысл жизни человека как непрерывное духовно-нравственное его совершенствование. Особенно необходимо и важно формировать у школьников убеждения и взгляды, отражающие интересы государства и общества, воспитывать чувство гордости, формировать и развивать нравственные идеалы, нормы и правила общечеловеческой морали, чувство долга и чести, порядочности, правдивости, честности и др.

**Цель.** Целью является гармоничное духовное развитие личности школьника и привитие ему основополагающих принципов нравственности с помощью технологии и приемов развития критического мышления.

**Для достижения указанной цели решаются следующие задачи:**

Научиться формировать духовно-нравственные ориентиры на основе традиционных общечеловеческих ценностей при использовании технологии и приемов развития критического мышления.

Классный час.

**Цель.** Целью является гармоничное духовное развитие личности школьника и привитие ему основополагающих принципов нравственности с помощью приема по развитию критического мышления: «Критический анализ текста.»

**Задачи.** Научиться формировать духовно-нравственные ориентиры на основе традиционных общечеловеческих ценностей при использовании приема по развитию критического мышления: «Критический анализ текста.»

### **О. Генри**

#### **Дороги, которые мы выбираем**

В двадцати милях к западу от Таксона «Вечерний экспресс» остановился у водокачки набрать воды. Кроме воды, паровоз этого знаменитого экспресса захватил и еще кое-что, не столь для него полезное.

В то время как кочегар отцеплял шланг, Боб Тидбол, Акула Додсон и индеец-метис из племени криков по прозвищу Джон Большая Собака влезли на паровоз и показали машинисту три круглых отверстия своих карманных артиллерийских орудий. Это произвело на машиниста такое сильное впечатление, что он мгновенно вскинул обе руки вверх, как это делают при восклицании: «Да что вы! Быть не может!» По короткой команде Акулы Додсона, который был начальником атакующего отряда, машинист сошел на рельсы и отцепил паровоз и тендер. После этого Джон Большая Собака, забравшись на груды угля, шутки ради направил на машиниста и кочегара два револьвера и предложил им отвести паровоз на пятьдесят ярдов от состава и ожидать дальнейших распоряжений. Акула Додсон и Боб Тидбол не стали пропускать сквозь грохот такую бедную золотом породу, как пассажиры, а направились напрямик к богатым россыпям почтового вагона. Проводника они застали врасплох: он был в полной уверенности, что «Вечерний

экспресс» не набирает ничего вреднее и опаснее чистой воды. Пока Боб Тидбол выбивал это пагубное заблуждение из его головы ручкой шестизарядного кольта, Акула Додсон, не теряя времени, закладывал динамитный патрон под сейф почтового вагона.

Сейф взорвался, дав тридцать тысяч долларов чистой прибыли золотом и кредитками.

Пассажиры то там, то здесь высовывались из окон поглядеть, где это гремит гром.

Старший кондуктор дернул за веревку от звонка, но она, безжизненно повиснув, не оказала никакого сопротивления. Акула Додсон и Боб Тидбол, побросав добычу в крепкий брезентовый мешок, спрыгнули наземь и, спотыкаясь на высоких каблуках, побежали к паровозу.

Машинист, угрюмо, но благоразумно повинувшись их команде, погнал паровоз прочь от неподвижного состава. Но еще до этого проводник почтового вагона, очнувшись от гипноза, выскочил на насыпь с винчестером в руках и принял активное участие в игре. Джон Большая Собака, сидевший на тендере с углем, сделал неверный ход, подставив себя под выстрел, и проводник прихлопнул его козырным тузом. Рыцарь большой дороги скатился наземь с пулей между лопаток, и таким образом доля добычи каждого из его партнеров увеличилась на одну шестую.

В двух милях от водокачки машинисту было приказано остановиться. Бандиты вызывающе помахали ему на прощанье ручкой и, скатившись вниз по крутому откосу, исчезли в густых зарослях, окаймлявших путь. Через пять минут, с треском проломившись сквозь кусты чапарала, они очутились на поляне, где к нижним ветвям деревьев были привязаны три лошади. Одна из них дожидалась Джона Большую Собаку, которому уже не суждено было ездить на ней ни днем, ни ночью. Сняв с этой лошади седло и уздечку, бандиты отпустили ее на волю. На остальных двух они сели сами, взвалив мешок на луку седла, и поскакали быстро, но озираясь по сторонам, сначала через лес, затем по дикому, пустынному ущелью. Здесь лошадь Боба Тидбола поскользнулась на мшистом валуне и сломала переднюю ногу. Бандиты тут же пристрелили ее и уселись держать совет. Прodelав такой длинный, извилистый путь, они были пока в безопасности: время еще терпело. Много миль и часов отделяло их от самой быстрой погони. Лошадь Акулы Додсона, волоча уздечку по земле и поводя боками, благодарно щипала траву на берегу ручья. Боб Тидбол развязал мешок и, смеясь, как ребенок, выгреб из него аккуратно заклеенные пачки новеньких кредиток и единственный мешочек с золотом.

– Послушай-ка, старый разбойник, – весело обратился он к Додсону, – а ведь ты оказался прав, дело-то выгорело. Ну и голова у тебя, прямо министр финансов. Кому угодно в Аризоне можешь дать сто очков вперед.

– Как же нам быть с лошастью, Боб? Засиживаться здесь нельзя. Они еще до рассвета пустятся за нами в погоню.

– Ну, твой Боливар выдержит пока что и двоих, – ответил жизнерадостный Боб. – Заберем первую же лошадь, какая нам подвернется. Черт возьми, хорош улов, а? Тут тридцать тысяч, если верить тому, что на бумажках напечатано, – по пятнадцати тысяч на брата.

– Я думал, будет больше, – сказал Акула Додсон, слегка подталкивая пачки с деньгами носком сапога. И он окинул задумчивым взглядом мокрые бока своего заморенного коня.

– Старик Боливар почти выдохся, – сказал он с расстановкой. – Жалко, что твоя гнедая сломала ногу.

– Еще бы не жалко, – простодушно ответил Боб, – да ведь с этим ничего не поделаешь. Боливар у тебя двужилый, он нас доведет куда надо, а там мы сменим лошадей. А ведь, прах побери, смешно, что ты с Востока, чужак здесь, а мы на Западе у себя дома и все-таки тебе в подметки не годимся. Из какого ты штата?

– Из штата Нью-Йорк, – ответил Акула Додсон, садясь на валун и пожевывая веточку. – Я родился на ферме в округе Олстер. Семнадцати лет я убежал из дому. И на Запад-то я попал случайно. Шел я по дороге с узелком в руках, хотел попасть в Нью-Йорк. Думал – попаду туда и начну деньги загребать. Мне всегда казалось, что я для этого и родился. Дошел я до перекрестка и не знаю, куда мне идти. С полчаса я раздумывал, как мне быть,

потом повернул налево. К вечеру я нагнал циркачей-ковбоев и с ними двинулся на Запад. Я часто думаю, что было бы со мной, если бы я выбрал другую дорогу.

– По-моему, было бы то же самое, – философски ответил Боб Тидбол. – Дело не в дороге, которую мы выбираем, – то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.

Акула Додсон встал и прислонился к дереву.

– Очень мне жалко, что твоя гнедая сломала ногу, Боб, – повторил он с чувством.

– И мне тоже, – согласился Боб, – хорошая была лошадка. Ну да Боливар нас вывезет.

Пожалуй, нам пора и двигаться, Акула, сейчас я все это уложу обратно – и в путь; рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше.

Боб Тидбол уложил добычу в мешок и крепко завязал его веревкой. Подняв глаза, он увидел дуло сорокапяткакалиберного кольта, из которого целился в него бестрепетной рукой Акула Додсон.

– Брось ты эти шуточки, – ухмыляясь, сказал Боб. – Пора двигаться.

– Сиди, как сидишь! – сказал Акула. – Ты отсюда не двинешься, Боб. Мне очень неприятно это говорить, но место есть только для одного. Боливар выдохся, и двоих ему не снести.

– Мы с тобой были товарищами целых три года, Акула Додсон, – спокойно ответил Боб. – Не один раз мы вместе с тобой рисковали жизнью. Я всегда был с тобою честен, думал, что ты человек. Слышал я о тебе кое-что неладное, будто бы ты убил двоих ни за что ни про что, да не поверил. Если ты пошутил, Акула, убери кольт и бежим скорее. А если хочешь стрелять – стреляй, черная душа, стреляй, тарантул!

Лицо Акулы Додсона выразило глубокую печаль.

– Ты не поверишь, Боб, – вздохнул он, – как мне жаль, что твоя гнедая сломала ногу.

И его лицо мгновенно изменилось: теперь оно выражало холодную жестокость и неумолимую алчность. Душа этого человека проглянула на минуту, как выглядывает иногда лицо злодея из окна почтенного буржуазного дома.

В самом деле, Бобу не суждено было двинуться с места. Раздался выстрел вероломного друга, и негодующим эхом ответили ему каменные стены ущелья. А невольный сообщник злодея – Боливар – быстро унес прочь последнего из шайки, ограбившей «Вечерний экспресс», коню не пришлось нести двойной груз.

Но когда Акула Додсон скакал по лесу, деревья перед ним словно застлало туманом, револьвер в правой руке стал изогнутой ручкой дубового кресла, обивка седла была какая-то странная, и, открыв глаза, он увидел, что его ноги упираются не в стремяна, а в письменный стол мореного дуба.

Так вот, я и говорю, что Додсон, глава маклерской конторы «Додсон и Деккер», Уолл-стрит, открыл глаза. Рядом с креслом стоял доверенный клерк Пибоди, не решаясь заговорить. Под окном глухо грохотали колеса, усыпительно жужжал электрический вентилятор.

– Кхм! Пибоди, – моргая, сказал Додсон. – Я, кажется, уснул. Видел любопытнейший сон. В чем дело, Пибоди?

– Мистер Уильямс от «Трэси и Уильямс» ждет вас, сэр. Он пришел рассчитаться за Икс, Игрек, Зет. Он попался с ними, сэр, если припомните.

– Да, помню. А какая на них расценка сегодня?

– Один восемьдесят пять, сэр.

– Ну вот и рассчитайтесь с ним по этой цене.

– Простите, сэр, – сказал Пибоди волнуясь, – я говорил с Уильямсом. Он ваш старый друг, мистер Додсон, а ведь вы скупили все Икс, Игрек, Зет. Мне кажется, вы могли бы, то есть... Может быть, вы не помните, что он продал их вам по девяносто восемь. Если он будет рассчитываться по теперешней цене, он должен будет лишиться всего капитала и продать свой дом.

*Как поведёт себя Додсон по отношению к старому другу: разорит его или нет?*

*Я думаю, что разорит.*

Додсону снится сон. Он в этом сне главный герой, который со своими сообщниками грабит почтовый вагон. Деньги предполагалось поделить поровну, на троих. Но одного убивают при ограблении. Бандитов остается двое, соответственно прибыль для каждого увеличивается. Но Додсону этого мало. Это видно по его фразе: Я думал будет больше. Здесь проявляется его алчность. Дальше он убивает последнего сообщника с холодной жестокостью. Душа его проглядывает на минуту, как выглядывает иногда лицо злодея из окна почтенного буржуазного дома. Деньги все достаются ему. И в этот момент он просыпается в кресле, за столом, главой маклерской конторы. Доверенный клерк Пибоди стоит рядом и не решается с ним заговорить. Значит он боялся своего начальника. Это говорит о том, что Додсон злой и не терпимый по отношению к другим людям. Он рассказывает Пибоди, что уснул и видел любопытный сон. Значит сон его не расстроил, а заинтересовал и был больше приятен. И все происходящее во сне было близко к его натуре. Значит Додсону свойственно быть безжалостным, жестоким и алчным. Мистер Уильямс старый друг Додсона, об этом напоминает ему Пибоди. Уильямс пришел рассчитаться с ним за Икс, Игрек, Зет, которые недавно продал Додсону по девяносто восемь. Додсон об этом помня спрашивает клерка, а какая цена на сегодня. Значит у него сразу была мысль продать дороже и выгодней для себя. Цена оказалась действительно больше, один восемьдесят пять. По этой цене и продавай, говорит Додсон. Пибоди напоминает ему, что в этом случае Уильямс лишится всего капитала и даже дома. Но свойственная жестокость, безжалостность и алчность Додсона не даст поступить ему иначе. Он потребует оплатить один восемьдесят пять. И ему будет все равно, что это разорит старого друга.